**Доклад заведующего кафедрой истории России до начала XIX в.
проф., д.и.н. Н. С. Борисова на тему: «Из истории церковно-
политической борьбы в эпоху Куликовской битвы. "Дело Митяя"».**

Данный доклад (расширенный вариант) содержит некоторые наблюдения над текстом Повести о Митяе – известного памятника церковной публицистики последней четверти XIV в. Этот памятник привлекал внимание исследователей (Е.Е.Голубинский, Г.М.Прохоров, А.А.Горский и др.), однако его информационный потенциал далеко не исчерпан.

В середине июля 1379 года кандидат на митрополию архимандрит Михаил (Митяй) выехал из Москвы в сопровождении большой свиты, в состав которой, помимо клириков, входили и великокняжеские бояре. Во главе посольства князь Дмитрий Иванович поставил своего "большого боярина" Юрия Васильевича Кочевина-Олешинского. Судя по имени, он был сыном того самого московского воеводы Кочевы, который в 1328 году вместе с Миной послан был Иваном Калитой выколачивать недоимки из Ростовского княжества.

Летописная Повесть о Митяе сообщает, что посольский караван переправился через Оку во вторник, 26 июля. Скорее всего, это произошло в Коломне. Расстояние от Москвы до Коломны – около 110 км. Конный отряд мог преодолеть его за два-три дневных перехода. Можно полагать, что торжественные проводы посольства состоялись в воскресенье 24 июля. В этот день церковь вспоминала "убиение Бориса и Глеба". Могли подумать нареченный митрополит, что его судьба роковым образом переплетется с судьбой святых страстотерпцев....

Весьма интересно краткое упоминание о "деле Митяя" в "Житии Сергия Радонежского". Житие написано Епифанием Премудрым и отредактировано Пахомием Сербом. И Епифаний Премудрый, работавший над текстом жития около 1417 года, и тем более Пахомий Серб (1460-е годы) знали о давно прошедших событиях главным образом из первой (киприановской) редакции Повести о Митяе. Отсюда и общая оценка Митяя как грешника: выскочки и гордеца. Отсюда и знаменитое пророчество Сергия о судьбе Митяя. Это пророчество было необходимым элементом общей провиденциальной концепции жития. Внезапная кончина Митяя – Божья кара грешнику, предсказанная прозорливым старцем Сергием Радонежским.

Почему тема Сергиева пророчества не получила развития в Повести о Митяе? Первая редакция Повести возникла еще при жизни "великого старца" (1381 год), который, как известно, не любил разговоров о его сверхъестественных способностях.

Было ли это пророчество вообще произнесено "великим старцем"?

Агиограф никогда не занимался чистым вымыслом, сознательной фальсификацией прошлого. Жизнь текла по установленному Богом таинственному плану. О нем можно было рассуждать. Но вставлять в этот план какую-то "отсебятину" было тяжким грехом. Агиограф (он же и летописец) был человеком верующим и боялся греха. Он брал некий факт (или то, что он считал фактом), давал ему свою трактовку и облекал всё это в пышные покровы риторики. Но он не был банальным лжецом или даже сказочником, выдумщиком небывалых историй. Вполне вероятно, что Сергей действительно высказал свое мнение о будущем Митяя в узком кругу иноков, вспомнивших этот разговор после известия о внезапной смерти Митяя. Под пером агиографа эти слова приобрели характер публичного и грозного предсказания будущего в духе ветхозаветных пророков.

Кроме того, имеет значение не только то, что сказано, но и то, как сказано. В устах Сергия Радонежского эта была не угроза, а скорее предупреждение. Он не желал зла Митяю и хотел спасти его душу. Возможно, "великий старец" чувствовал в себе сверхъестественные способности. Небеса приоткрывали ему тайну будущего. И он использовал это сокровенное знание на благо людям, воодушевляя одних на подвиг, а других удерживая от греха.

Приводим этот отрывок из Жития Сергия Радонежского.

"Възыде же на престол архиерейский некто архимандрит,
Михаил именем,
и дрзнувоблещися в одежду святительскую
и възложи на ся белый клобук.
Начат же и на святого въоружатися,
мнев, яко присецаетдрзновение его преподобный,
хотя архиерейский престол възприати.
Слышав же блаженный, хвалящаяся Михаила на нь,
речек учеником своим,
яко Михаил,
хваляйся на святую обитель сию,
не иматьполучитижелаемого,
поне жегрьдостиюпобеженбысть,
ни Царьскаго града не иматьвидети.
Еже и бысть по пророчьству святого:
повнегдабопловяше к Царьскому граду,
в телесный недуг впаде
и скончася.
Всибоимеаху святого Сергия яко единагоот пророк" .

Итак, прозорливый старец Сергий Радонежский сказал, что собравшемуся в дальний путь Митяю не видать Константинополя. И мнение это – со временем превратившееся в пророчество – оказалось верным.

Миновав половецкую степь и добравшись до Кафы (современная Феодосия), московские послы вздохнули облегченно. Вскоре они взошли на большой корабль, который отплывал в Константинополь.

Шла вторая половина сентября 1379 года . Не знаем, как встретило путешественников Черное море. Но ясно, что для сухопутных москвичей даже плавание по спокойному морю было незабываемым переживанием. А в это время года море редко бывает спокойным долгое время. Судя по тому, что автор Повести о Митяе (точнее – черновых материалов для Повести) – безусловно, участник посольства – по памяти цитировал 106-й псалом, где красочно представлена картина морской бури, эту картину он видел своими глазами и запомнил на всю жизнь. А 106-й псалом он повторил столько раз, что даже в рассказе о ссоре между послами после кончины Митяя невольно использовал вольную цитату из него, выделенную ниже курсивом.

"Рече,
и ста дух бурен,
и вознесошася волны его:
восходят до небес и нисходят до бездн:

душа их в злых таяше:
смятошася,
подвигошася яко пианьи,
и вся мудрость их поглощена бысть" (Пс.106.26)

Но любое испытание рано или поздно приходит к концу. Наконец, настал день, когда судно вошло в Босфор. Вдали в голубоватой дымке показались величественные храмы и дворцы "второго Рима".

Можно представить себе ликование усталых путников. Но тут случилось непредвиденное: нареченный митрополит Михаил скоропостижно скончался...

Самая ранняя из сохранившихся версий Повести о Митяе (по Г.М.Прохорову – первая редакция) – Рогожский летописец, 1440-е годы – лаконично констатирует факт смерти: "Внезапу Митяй разболеся в корабли и умрена мори" . Впрочем, нельзя забывать, что редакция Рогожского летописца отстоит от времени создания Повести более чем на полвека. За это время текст неоднократно редактировался и сокращался. Следы этой правки отчетливо заметны. Первая редакция, безусловно, была в оригинале куда более пространной, чем ее версия, дошедшая в составе Рогожского летописца.

Вторая редакция (Воскресенская летопись) возникла во второй половине XVв. О смерти Митяя здесь говорится в тех же словах, что и в первой редакции – "внезапуразболеся Митяй, и умрена мори" – но этот факт сопровождается своего рода "вздыхом" автора. "И не сбьтся мысль его и не случисябыти ему митрополитом на Руси" . А чуть ниже дается обширная подборка благочестивых сентенций на тему "добро есть уповати на Господа, нежели уповати на князя" . Внезапная смерть Митяя – Божья кара за то, что он хотел стать митрополитом вопреки не только желанию всего русского духовенства, но и вопреки воле Божьей. Тема эта была неизменно актуальной в XV столетии – период борьбы за полное подчинение Русской церкви московской великокняжеской власти. Но уже в эпоху Василия IIIэто можно было считать пройденным этапом.

Теряя в своей политической актуальности, Повесть о Митяе со временем прибавляла в литературной занимательности, а вместе с ней – и в обилии реальных деталей.

Относительно поздняя (1520-е годы), но сохранившая уникальные известия более ранних сводов Никоновская летопись (по Г.М.Прохорову - третья редакция) сообщает подробности: вместе с известием о кончине Митяя в Москву дошли и слухи о его убийстве.

"Инии глаголахуо Митяи,
яко задушиша его;
инии же глаголаху,
яко морьскою водою умориша его" .

Как отнестись к этому известию Никоновской летописи? Не является ли оно плодом воображения московских книжников первой половины XVI столетия?

Думается, следует, прежде всего, обратить внимание на сам характер уникальных чтений. Создатели Никоновской летописи нередко украшали лаконичные сообщения своих источников вымышленными подробностями и риторическим "плетением словес".

Но эти литературные упражнения, как правило, не содержали принципиально новой информации. В данном же случае известие об убийстве Митяя является новой и весьма существенной информацией. Убийство, заговор, измена – обвинения серьезные. Такие вещи летописцы не выдумывали "ради красного словца".

Следующий вопрос: почему сообщение об убийстве отсутствует в первой и второй (Воскресенской летописи) редакции Повести о Митяе?

Считается, что первая редакция Повести о Митяе была создана неизвестным московским книжником по заказу (а может быть, и при личном участии) митрополита Киприана осенью 1382 года. Главная религиозная идея Повести – размышление о путях Божьего промысла, о пагубности человеческой гордыни. Идею содержание произведения отличается своего рода "многослойностью". Публицистический пласт составляет апология деятельности митрополита Киприана, осуществленная не прямой похвалой, а методом "от противного": путем яркого изображения безнравственного поведения всех трех его политических соперников, претендентов на освободившуюся с кончиной святителя Алексея митрополичью кафедру – Митяя, Пимена и Дионисия. Главный "возмутитель спокойствия" – архимандрит Михаил, которого автор Повести (или ее редактор) митрополит Киприан сознательно именуется уничижительным прозвищем – Митяй. Своим возвышением Митяй обязан главным образом великому князю Дмитрию Ивановичу, который при этом выведен в Повести "вторым планом" и не подвергается прямому осуждению.

Внезапную кончину Митяя автор Повести представляет как провиденциальное событие, как определенное высшими силами наказание Митяя за грех гордыни. В этом идейном контексте Повести нет места для насильственной смерти Митяя. Он умер внезапно, пораженный гневом Божиим. Для исполнения Божьей воли нет нужды в человеческих ухищрениях. Версия убийства по политическим мотивам своей прозаичностью не соответствовала провиденциальному осмыслению всей истории Митяя и потому не могла быть включена в Повесть даже в качестве предположения.

Однако помимо законов литературы есть и законы жизни. Даже если смерть Митяя была вызвана естественными причинами, ее внезапность и необычность (в последний день пути, ввиду Константинополя, без свидетелей) неизбежно должны были породить слухи об убийстве. Эти слухи, конечно, зафиксировал в своих записках тот "неизвестный москвич", труд которого стал основой произведения. При окончательной обработке произведения в митрополичьей канцелярии эти сведения были пропущены как излишние. Но, как известно, "рукописи не горят". Записки затаились в недрах канцелярий, дожидаясь своего часа.

При создании третьей редакции Повести (Никоновская летопись) в 1520-е годы "дело Митяя" имело уже чисто исторический характер. Создавая пространную версию Повести о Митяе, составители Никоновской летописи решили воспользоваться и слухами об убийстве фаворита, сохранившимися в "записях неизвестного москвича". Эти подробности придавали рассказу больше занимательности и достоверности.

Как свидетельствует Повесть о Митяе, в этой истории накал страстей был столь велик, а ставки столь велики, что дело едва не дошло до убийства одного из участников посольства – игумена Иоанна Петровского. В этой свирепой борьбе за митрополию вполне можно было ожидать использование "зелья". Однако княжеского фаворита Митяя устранили иным способом...

Внезапная кончина Митяя в действительности была политическим убийством. Анализ ситуации убеждает в том, что княжеский фаворит пал жертвой заговора, замысел которого возник еще в Москве. Но убить Митяя в столице было сложно: во-первых, он, безусловно, принимал меры безопасности, а во-вторых там, на месте, великий князь мог легко "вычислить" заговорщиков и расправиться с ними.

Убийство Митяя по дороге в Царьград также было весьма затруднительным делом. Заговорщикам трудно было скрыть сам факт убийства и уйти от кары. Кроме того, в этом случае посольство должно было, не выполнив своей цели, вернуться в Москву, где разъяренный великий князь свел бы счеты с убийцами.

Смерть Митяя в Царьграде, после представления патриарху в качестве официального московского кандидата на митрополию, чрезвычайно усложняла ситуацию. В этом случае, во-первых, убийство становилось технически еще более затруднительным, а во-вторых даже при успешной ликвидации Митяя посольство теряло всякий смысл, и должно было с пустыми руками, без поставленного патриархом митрополита, вернуться в Москву.

Смерть Митяя на корабле, у самых ворот Царьграда, во всех отношениях была для заговорщиков оптимальным вариантом.

Конечно, лишь немногие члены посольства были посвящены в заговор. Всех остальных следовало уверить, что причиной смерти нареченного митрополита стал несчастный случай. В этой связи заговорщиков тревожила одна проблема. Согласно обычаю, тело покойника перед погребением следовало обмыть и завернуть в саван. В этой процедуре неизбежно должны были принять участие не только заговорщики, но и непосвященные члены посольства. Поэтому на теле Митяя не должно было быть видимых следов насильственной смерти: колотых и резаных ран, следов веревки на шее и прочего. Соответственно, расправиться с Митяем следовало таким способом, при котором на теле не останется явных знаков преступления. Лучшим средством в этом отношении был медленно действующий яд. Но Митяй, конечно, опасался отравления и был осмотрителен в еде и напитках.

Дело зашло в тупик. Но тут на помощь заговорщикам пришел богатый опыт византийского двора...

Известно, что патриции древнего Рима нередко уходили из жизни, вскрывая себе вены в ванне с теплой водой. Византийцы не увлекались подобными методами сведения счетов с жизнью и предпочитали традиционный яд. Однако любовь к баням, бассейнам и ваннам была в полной мере воспринята ими от римлян. Пристрастие к водным процедурам питали и византийские императоры. Но базилевсам следовало помнить, что там, среди облаков пара и потоков воды, обнаженный и беспомощный человек становится легкой добычей убийц...

Среди сопровождавших Митяя иерархов (точнее – среди заговорщиков), безусловно, были греки по происхождению. Размышляя о том, как без последствий избавиться от Митяя, они могли вспомнить один из способов, при помощи которых совершались дворцовые перевороты в Константинополе. Император Роман III был убит своими придворными 11 апреля 1034 года во время отдыха в бассейне. Вот что рассказывает об этом византийский историк Михаил Пселл.

"Сначала он с удовольствием окунулся и легко поплыл, с наслаждением вдыхая воздух и освежаясь, затем в воду зашли и некоторые из сопровождающих, чтобы поддержать и дать отдохнуть императору – таково было его распоряжение. Совершили

ли они какое-нибудь насилие над ним, точно сказать не могу, но те, кто связывает это со всем случившимся, утверждают, что, когда самодержец по своей привычке опустил голову под воду, они сдавили ему шею и довольно долго держали его в таком положении, а потом отпустили и ушли". Но заговорщики ошиблись, решив, что Роман мертв. Императору был еще жив. Он жестом сумел позвать на помощь. Слуги вытащили его из бассейна и положили на ложе. Но конец его уже был близок. Так и не сумев произнести ни слова, он скончался.

Конец жизни нареченного митрополита Митяя отчасти напоминал эту классическую картину. Однако русская версия античной драмы была значительно скромнее по декорациям...

Но вернемся к рассуждению о планах заговорщиков. На них прямо указывает точный смысл дополнения Никоновской летописи к известию о смерти Митяя: "Инии глаголаху Митяи, яко задушиша его; инии же глаголаху, яко морскою водою умориша его".

Действительно, удушение было как раз тем видом убийства, при котором не остается открытых ран и пятен крови.

Сохраненные Никоновской летописью слухи предполагают и другой, на первый взгляд весьма странный, но в действительности самый подходящий в тех обстоятельствах способ убийства Митяя – "морской водой задушили". Остановимся на этой загадочной формуле. Ясно, что Митяя не могли просто утопить в море. Скорее всего, убийцы, уловив удобный момент, набросились на архимандрита и опустили его голову в ванну (бочку?) с морской водой, которая, конечно, имелась в парадной каюте большого корабля. (Напомним: каменные ванны имелись в каждом богатом римском и византийском доме). Возможно, это произошло в тот момент, когда нареченный митрополит в своей каюте лежал в ванне, готовясь отойти ко сну. Не имея возможности крикнуть и позвать на помощь, он захлебнулся морской водой.

Впрочем, возможен и составной вариант: Митяя вначале удушили без применения веревки, а затем уже мертвого положили в ванну, имитируя несчастный случай. На это указывает и свидетельство Никоновской летописи: "Инии глаголаху Митяи, яко задушиша его; инии же глаголаху, яко морскою водою умориша его". И те и другие были правы.

Примечательно, что тайна гибели Митяя быстро стала достоянием молвы. Вероятно, ее раскрыли сами заговорщики в пьяной похвальбе или в покаянной исповеди. Стоустая молва подхватила эти признания и понесла их от дома к дому, от уха к уху.

Восстанавливая подлинную картину гибели Митяя, нельзя упустить из виду и еще одно обстоятельство. Дело происходило в последний день долгого и опасного пути московского посольства в Царьград. Завершение путешествия обычно праздновали хмельным застольем. Вино воодушевило заговорщиков – вспомним историю гибели Андрея Боголюбского! – и ускорило события. Несколько перебрав за столом хмельного "меда", Митяй пошел в свою каюту и решил освежиться в ванне с морской водой. Но вслед за ним в каюту вошли заговорщики...

Логика событий позволяет утверждать: убийцы Митяя принадлежали к кругу самых близких к нему лиц – либо из высшей московской знати, либо из числа комнатной прислуги нареченного митрополита. Далек не каждый член посольства мог войти в каюту Митяя в такой интимный момент как вечерняя ванна.

Утопление Митяя (или его уже бездыханного тела) в ванне с водой легко можно было выдать за несчастный случай. Свидетелей случившегося – кроме самих заговорщиков – не было. По случаю позднего часа прислуга была удалена из покоев. Только наутро дело открылось. И тут же была пущена официальная версия случившегося: сильно захмелевший иерарх сам не заметил, как уснул в своей ванне и захлебнулся во сне. Вероятно, эта версия совпадала с привычками и образом жизни Митяя, а потому казалась вполне правдоподобной.

Трагическая судьба княжеского фаворита Митяя – лишь один эпизод жестокой церковно-политической борьбы в эпоху возвышения Москвы. Гибель Митяя предопределила крах всей церковной политики Дмитрия Донского. На смену Митяю пришел умный и энергичный византиец Киприан. В итоге московскому князю не удалось подчинить себе митрополичью кафедру. Эта неудача существенно затормозила процесс политической консолидации. Отсюда открывается прямой путь к ответу на вопрос: кто же стоял за таинственной гибелью нареченного митрополита? И почему князь Дмитрий с какой-то трагической безнадежностью отозвался на долетевшую до Москвы печальную весть: "Что же есть сиа сотворено о Митяе, не вем" . В гибели Митяя были заинтересованы все те, кто хотел помешать возвышению Москвы – Литва, Орда, самостоятельные княжества и земли Великороссии и может быть даже удельные князья московского дома. И какая именно из этих сил оплатила убийство – в сущности уже не имело особого значения...